

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ТИПОВОЙ» И «ПОВТОРЯЮЩЕЙСЯ» МАССОВОЙ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ В СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Н.П. Журин

В статье отмечаются региональные особенности Сибири: суровые природные условия, короткий строительный сезон, традиционная нехватка квалифицированных архитектурных и строительных кадров и, как следствие, – распространение типовых архитектурных решений в массовом жилищном строительстве. Выявлены два направления в распространении типовых решений – народное зодчество, основанное на традициях переселенцев и местного населения и «официальное» включающее «образцовые» проекты жилых построек эпохи Классицизма, получивших распространение в сибирских городах. Рассматривается определённый конфликт между официальной стилистикой в массовой архитектуре и региональной спецификой Сибири и попытки его преодоления на основе учёта местных реалий.

Ключевые слова: архитектура Сибири, типовая застройка, стилистика, классицизм, жилищное строительство.

Выявление региональных особенностей архитектуры Сибири в историческом аспекте является важным элементом в их понимания и реализации в современной практике. Особенностью архитектурной деятельности сопутствующей освоению края являлись суровые климатические условия, короткий строительный сезон, использование местных строительных материалов, прежде всего дерева, традиционная нехватка квалифицированных архитектурных и строительных кадров. Всё это порождало естественное стремление к рациональным архитектурным решениям, что сказалось на всех этапах освоения края.

Первые опыты жилищного строительства строились на традиционном использовании приёмов народного зодчества Центральных и Северных районов Европейской России. Традиционная землянка, бревенчатая «клеть», изба «со связью» успешно служили ни одному поколению переселенцев в Сибирь. С развитием строительных технологий, необходимостью дифференциации жилища в связи с имущественным и семейным положением владельцев привело к расширению спектра типовых решений в области народного жилища. Конец XIX – начало XX века ознаменовалось активным внедрением в строительную практику, как в сельской местности, так и в массовой городской застройке таких «типовых» решений как «пятистенки», «круглый» или «крестовый» тип дома, «связь крестовая» [1].

В результатах научных экспедиций 1988-1992 гг., предпринятых преподавателями Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии (С.Н. Баландин, Н.П. Журин, Е.А. Смирнова, Н.Н. Филиппова) с целью паспортизации архитектурного наследия Новосибирской области, были выявлены различные типы повторяющихся решений в организации массового жилища как сельского, так и городского населения в различных географических зонах расселения [2].

При этом в период активной переселенческой деятельности конца XIX – начала XX века, охватившей обширные территории бывшей Томской губернии, отмечается естественное стремление переселенцев выбирать в Сибири наиболее близкие по характеру территории по отношению к местам их выхода. Так, выходцы из Центральных и Северных районов России стремились расселиться в местах богатых лесом и соответственно свои жилища строили в традиционной манере для тех мест с широким применением привычных «типовых» решений. С другой стороны переселенцы из «безлесных» районов Юга Российской Империи охотно осваивали степные районы современного Алтайского края и Новосибирской области, в точности сохраняя планировочный и конструктивный тип хорошо известного им жилища в виде мазанок с минимальным использованием маломерного леса.

Интересно отметить, что при организации самого переселения государственными структурами на так называемых Переселен-

ческих пунктах на Великом Сибирском железнодорожном пути активно использовались веками апробированные типовые решения сборно-разборного жилища – юрты коренного населения степных районов Сибири. Такие крупные Переселенческие пункты как Омский, Багатолский и др. быстро расселяли ново-прибывших в подобном жилище, при этом устраивая в юртах школы, пункты приготовления пищи, медицинское обслуживание. (Путеводитель)

Особым путём развивалось типовое жилище в сибирских городах. Здесь как бы одновременно существовали две тенденции, активно проявившиеся в XVIII–XX вв. – народные крестьянские традиции в жилой архитектуре и противопоставлявшиеся ей современные стилевые решения, прежде всего в формах классицизма.

Генеральные планы сибирских городов Российской империи эпохи Русского классицизма предполагали не только регулярные, классицистические принципы организации городского пространства, но и стилистическое единство с ними массовой, «фоновой» застройки. Именно это недостающее звено, обеспечивавшее стилистическое единство городской среды, вызывало серьезную озабоченность в Российской Империи эпохи классицизма.

Не будет преувеличением сказать, что в сфере частного домостроения в сибирских городах первой половины XIX в., в т.ч. и губернских, преобладали типы массового жилища генетически связанные с простейшей крестьянской избой, то есть были неподконтрольные официальной стилистике ампира.

Исследователи архитектуры сибирских городов, делали неутешительный вывод для сторонников стилистической чистоты ампира – городской среды того времени, что преобладающим типом жилища еще оставалась простейшая, крестьянская изба. Причинами этого являлись относительная дешевизна и простота возведения традиционного для сибиряков жилища, его высокие гигиенические качества и привычная эстетика, опиравшаяся на многовековой опыт.

Основным строительным материалом, доступным застройщику в Сибири из-за его дешевизны, в массовом жилищном строительстве традиционно являлось дерево. Однако, деревянный сруб с его «народной» эстетикой находился в известном смысле в противоречии с художественными представлениями классицизма, основанных на использовании форм и композиционных приёмов

каменного зодчества античности в качестве наивысшей ступени развития зодчества.

Противоречивость архитектурной стилистики в области архитектуры массового жилища первой половины XIX в. отразилась с одной стороны в виде продолжавшего существовать классического идеала, стихийного городского «самоотбора», транслирующего вековые народные традиции в данной области и в первых попытках освоения национального русского стиля в профессиональной архитектуре, следовавшей идеям романтизма и возрождающегося национального самосознания.

Первыми примерами в этой области могут служить проекты таких ведущих архитекторов эпохи позднего классицизма и ранней эклектики как К. Росси – проект придворной деревни Глазово под Павловском, О. Монферана – проект 1819 г. русской избы [3], а также целая серия «придворных» изб в русском стиле 1830-х годов в окрестностях Петергофа и Потсдама в Германии.

Пройдет не так уж много времени, и уже в середине столетия в отечественной архитектурной теории, связанной со славянофильством оформится представление о традиционном русском жилище, как первооснове всего стилистического направления русского национального стиля, значительно потеснившего классицизм из области массового жилищного строительства. В частности, крупнейший историк И.Е. Забелин (1820-1908) находит «первозлемент», как и ряд других теоретиков славянофильской направленности, в виде «крестьянской рубленной из дерева избы или клетки, рассматривающейся как символ и воплощение самобытного характера русской народности [4].

Однако, новые архитектурные стилевые тенденции по известным причинам в Сибири ещё не находили применения, а представители администрации, местной интеллигенции, ссыльные, имевшие возможность обзаводиться собственным жилищем в большинстве случаев придерживались эстетики позднего классицизма

Массовое и индивидуальное жилищное строительство велось в городах в подавляющих случаях за счет собственных средств застройщиков, однако, господствующая во власти идея создания единого в стилистическом представлении городского ансамбля не могла оставить без внимания широкий пласт «фоновой» массовой застройки. В связи с недостатком профессиональных архитектурных кадров единственным выходом для достижения этой цели явилась типизация проектов жилых и общественных зданий, что было

достигнуто изданием и внедрением в строительную практику «Собрания фасадов, Его Императорским Величеством, высочайше апробированных для частных строений в городах Российской Империи». Фасады первого и второго альбома «приведенные к одному масштабу» были изданы в 1809 г. и содержали 100 проектов. В 1812 г. были выпущены третий и четвертый альбом с 124 проектами. Завершил издание пятый альбом 1811 г. с проектами заборов и ворот [5]. Исследователь типового и повторного строительства в России С.С.Ожегов Отмечает, что «большой объём и высокое качество» Собрания фасадов считает, что в его создании принимали участие несколько талантливых архитекторов и гравёров» среди них такие известные зодчие как А.Захаров, А. Руска, В. Гесте, В. Стасов. Позднее к созданию типовых проектов подключился ведущий архитектор николаевского времени К.Тон.

«Собрание фасадов» было законодательно введено в действие 31 декабря 1809 г. и уже в начале 1810 г. было направлено для исполнения сибирскими губернаторами.

В 1817 г. вышел Указ Министерства внутренних дел запрещающий яркую самовольную раскраску фасадов своих домов застройщиками. Рекомендовалась следующая расколеровка фасадов: цоколи следовало окрашивать в серый цвет, поле стены в охристый, светло-зеленый, светло-серый, светло-синий, кровлю рекомендовалось окрашивать суриком. В сибирских городах отмечается преобладание охристых и голубых тонов, обшитым тёсом бревенчатых стен с выделением белилами архитектурных деталей - наличников, пилястр и карнизов. Подобное единое цветовое решение, несомненно, способствовало стилистическому единству «фоновой» застройки.

Получив указания из Петербурга, местная администрация начала неукоснительно требовать вести все строительные и ремонтные работы «не иначе ... как по избранному фасаду нисколько не отступая от него». «Строжайшая ответственность», «бдительнейшее наблюдение за «лучшим устройством и украшением городов» в соответствии с «фасадами» и городскими планами» возлагалось на городничих и чинов полиции, а со стороны губернских властей на Губернские Строительные отделения (комиссии).

Исследователь архитектуры Забайкалья Л.К. Минерт, ссылаясь на архивные данные, отмечает, что "Строительная комиссия требовала представления проектов даже на такие виды работ в существующих домах, как

пробивка двух дверей или исправление старого крыльца на новое». Только в 1853 г. Комиссия постановила разрешить без её веденья «поправки домов, в чем бы они не заключались, лишь бы в наружном виде соблюдена была правильность архитектуры сообразно Высочайше утвержденным чертежам для построек, имеющимся в городских полициях, в которые и должны обыватели обращаться» [6].

Заметим, что постановление 1853 г., очевидно, уместное для Сибири, казалось явно запоздалым по отношению к Европейской России, где начиная с 1830-х гг. проектирование частных жилых домов и хозяйственных построек активно переходило в руки застройщиков. По данным Л.К. Минерта только в 1853 г. право разрешать постройки обывателей, имеющих до пяти окон включительно, были непосредственно представлено местным городским властям, минуя утверждение в губернских надзирающих над строительством органах. Одновременно, в 1856 г. были изданы дополнительные альбомы «Образцовых фасадов деревянных домов в три, четыре и пять окон с воротами и заборами», упрощенные с архитектурной точки зрения и специально рекомендованные для постройки в уездных городах, что было уместно для Сибири.

Реализации «Собрания фасадов» и первоначальная идея типизации фасадов массовой жилой архитектуры в Сибири натолкнулась на большие затруднения. Реальные экономические возможности не способствовали реализации требований к классической трактовке фасадов с многочисленными трудно исполнимыми деталями в виде ордерных схем и деталей. Как отмечалось, подавляющее большинство жилых построек в сибирском городе выполнялись на основе деревянного сруба. Его оштукатуривание, приращивание ложных полуколонн, пилястр, представлялось застройщикам дорогостоящим и даже бессмысленным занятием. Найденным компромиссом явилась обшивка (ошалежка) сруба горизонтальными рядами досок в виде руста с раскреповкой углов пилястрами. Традиционная рубка стен «в обло» была вытеснена более трудоёмкой рубкой «в лапу». Иногда исконное желание разнообразить типовой фасад приводило к обивке углов сруба отдельными досками формирующими пилястру с полукруглыми вырезами – «с фес-тонами». Однако в целом массовая жилищная архитектура сибирских городов отличалась скромностью и сдержанностью в трактовке

классических архитектурных деталей в сочетании с явной тенденцией к их упрощению.

Таким образом, в реализации проекта использовались общие принципы композиции типовых фасадов, трактовка классических деталей была достаточно индивидуальной и часто включала их «народную», довольно свободную трактовку. При этом следует учесть, что среди сибирских строителей, работающих в сфере массового жилищного строительства, специалистов, знакомых с классическими ордерными формами, было крайне мало.

В Строительный комитет Министерства внутренних дел в Петербург Довольно скоро после обязательной рекомендации к исполнению «образцовых «проектов» потекли мнения сибирских губернаторов (Томского и Иркутского) о несоответствии рекомендованных проектов «сибирским морозам и сильным ветрам». Вызвано это было рекомендованной «даже в приличнейшем для небогатых жителей фасаде № 47», высотой внутренних помещений в 5 аршин, и высотой окон в 1 сажень (2,13 м).

В ответ на обращения местной администрации на протяжении первой половины XIX в. для Сибири постепенно смягчается «обязательность» постановлений о применении типовых фасадов в связи с особенностями местных условий. Так, в соответствии с ходатайством генерал-губернатора Восточной Сибири разрешалось «производить строения домов, заборов и ворот по силе возможности каждого, с соблюдением фасадов в таких только случаях, если желающий строиться сам просить будет позволения на постройку дома сообразно фасаду из Высочайше утвержденных» [7].

Однако свобода выбора застройщика все-таки еще значительно ограничивалась в связи с рекомендацией городничим при рассмотрении проектов «применяться сколько токмо можно» к требованиям министерства, изложенным в циркуляре министерства, то есть следовать стилистике уходящего классицизма. Всё это еще больше обрекало застройщика на зависимость уже не столько от рекомендованных типовых проектов, но и от произвола местных властей.

С другой стороны, как ни парадоксально, от бюрократического произвола местной администрации застройщика защищали сами «Высочайше опробованные проекты для частных строений». Дело в том, что число рекомендованных фасадов, изданных в 1809-12 гг. уже приближалось к 300, а в дальнейшем только увеличивалось. Таким образом, сво-

бода выбора реализовывалась если не стилистическом предпочтении, то в самостоятельном выборе застройщиком «своего» проекта, являющегося непререкаемым эталоном для местных властей

Образцовые фасады диктовали стилистические принципы и приёмы формирования фасадов жилых построек, но не регламентировали построение плана жилого дома, который в основном строился в деревянном городском зодчестве на основе срубного народного жилища. В его основе оставалась рубленая клеть и её привычные сочетания – изба со связью, пятистенок, крестовый тип дома.

Городской образ жизни и индивидуальные пристрастия владельцев лишь усложняли и делали более индивидуальными решения планов, как бы стихийно приближаясь к поискам передовой, современной архитектуры того времени. Действительно, это направление вполне отвечало идеям сформулированным автором археологической теории профессионального русского «стиля», что «... крестьянские дворы строились «не по заранее выдуманному плану, как сооружения европейского зодчества, не по искусственным законам правильности и симметрии, а по мере надобности, естественно, как развивается организм...» [8] Таким образом, в массовой застройке на данном этапе прослеживается соединение, казалось бы, не соединимого – классического регулярного фасада, в сочетании с планом сооружения, несущим традиции народной архитектуры.

Природные, климатические особенности Сибири, традиционно учитывавшиеся местными строителями, удивительным образом сочетались с заданными параметрами классических фасадов «образцовых» проектов. По возможности жилые помещения ориентировались на солнечную сторону, вспомогательные и хозяйственные помещения соответственно размещались с затененной стороны постройки с минимальным количеством оконных проёмов. Крупные оконные проёмы на лицевом фасаде неожиданно приглянулись сибирякам и, как отмечал исследователь Сибири Г.Н. Потанин в статье «нужды Сибири», опубликованной в 1908 г., «... деревянные дома в Иркутске и Томске поражают обилием окон, простенки между окнами уже самих окон...» [9]. Началу подобного «солнцепоклонничества», не понятного «пришедшим из-за Урала», положили начало, как не удивительно, типовые проекты, выполненные в Петербурге. Первоначально, как отмечалось, их реализация в основном сдержива-

лась элементарным дефицитом оконного стекла в Сибири, однако, когда он был преодолен, крупный размер окон высотой в 1 сажень оказался вполне приемлем и желателен в местных климатических условиях.

Другим оригинальным приемом адаптации предложенных фасадных схем, предполагавших значительную высоту помещений (до 4–4,3 м), было устройство антресольных этажей над частью дома путём деления общей высоты на два объёма по 2–2,2 м. высотой. Используя принцип организации плана постройки в виде «избы со связью» подобное планировочное решение позволяло при сохранении симметрии фасада конструктивно легко устроить мезонин с балконом. Именно большим количеством зимних осадков и продолжительными зимами исследователь архитектуры Иркутска Б.О. Оглы объяснял традицию застекления веранд и балконов в Сибири, заметим, сохранившуюся до сих пор.

Традиции массовой застройки сибирских городов на основе применения «образцовых» проектов сохранялась несколько дольше, чем в городах Европейской России. Однако, в этих поздних вариантах «официального» стиля всё больше сказывается стремление приспособление его к местным реалиям.

Оживление строительной деятельности в Сибири в связи со строительством Великого сибирского железнодорожного пути в конце XIX – начале XX в. привело к капитализации городской жизни сибирского города.

Рост духа индивидуализма, растущее имущественное неравенство, дифференцированный род занятий горожан потребовали и специфическую массовую жилую архитектуру. Стилистика эпохи эклектики и модерна отвергала регламентированные типовые решения, порождала индивидуальные решения,

но не исключала применение применения приёмов народного зодчества, адаптированного к региональным реалиям.

Последним ярким периодом, ознаменовавшимся взлётом типового массового строительства явились 60-е - 70-е гг. XX в, когда применение типовых проектов первых серий, импортированных из центральных проектных центров приобрело массовый характер. Попытки их адаптации к местным условиям, как со стороны самих жителей, так и профессионалов, требует специального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953. - С. 26-27, 44.
2. Памятники истории архитектуры и монументального искусства Новосибирской области: материалы «Свода памятников истории и культуры Новосибирской области», под ред. Н.П. Журина, каталог, книга 2, Новосибирская область. – Новосибирск, 2001.
3. Борисова Е.А. Русская архитектура в эпоху романтизма. СПб., 1999. - С. 123.
4. Кириченко Е.И. Архитектурные теории XIX века в России. М., 1986. - С. 232.
5. Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII- XIX веках. М., 1984. - С.81
6. Минерт Л.К. Архитектура Улан-Уде. Бурятское книжное издательство. 1983. - С. 234-235.
7. Минерт Л.К. Указ. соч. С. 70.
8. Кириченко Е.А. Указ.соч. - С.232.
9. Г.Н. Потанин. Города Сибири. Сибирь, её современное состояние и её нужды, под ред. Мельника Н.С., СПб., 1908. - С. 264-265.

Журин Н.П. – к.арх., профессор, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, E-mail: nikolayzhurin@mail.ru.